

*Зуенко И.Ю.*¹

Тенденции развития внешнеполитической идеологии в период правления Си Цзиньпина

Внешняя политика, как известно — взаимоотношения с другими странами в интересах собственного государства. Внешнеполитическая идеология отражает, прежде всего, представления об интересах (то есть осознанных потребностях) того или иного государства. Являясь набором этических и поведенческих установок по поводу целей и задач внешней политики, а также способов ее реализации, идеология внешней политики тесно связана с представлениями государства о себе, внешнем мире и характере отношений с ним.

Таким образом, чтобы проанализировать тенденции развития идеологии в сфере внешней политики Китая, связанные с периодом правления Си Цзиньпина (с 2012 г.), мы должны прежде всего проанализировать факторы, влияющие на эти представления о себе и мире и признать, что некоторые из них, можно сказать, «тянут в разные стороны» или даже диаметрально противоположны. Это делает внешнеполитическую идеологию современного Китая (а, следовательно, и саму внешнюю политику) несколько противоречивой,

¹ Зуенко Иван Юрьевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра мировой политики и стратегического анализа ИКСа РАН.

не всегда последовательной и плохо предсказуемой [Зуенко, 2023]¹.

Во-первых, на внешнеполитическую идеологию Китая влияет устойчивое представление о Китае как о великой цивилизации, которая должна быть региональным лидером и одним из центров мирового устройства (причем не благодаря силе, а благодаря историческим цивилизационным достижениям).

Во-вторых, на идеологию продолжают влиять традиции, связанные с наличием в древнем и средневековом Китае концепций этноцентризма, вассально-данических отношений с соседями и возможности успешного мирного соразвития большого числа стран в китаецентричной экономической и культурной системе.

В-третьих, устойчивым (особенно для нынешнего этапа) является представление о цивилизационном кризисе XIX—XX веков как о периоде внешнего давления на Китай, итогом которого стало «столетие унижений». Соответственно, восстановление цивилизационного могущества под лозунгом великого возрождения китайской нации (中华民族伟大复兴), которое стало лейтмотивом идеологических новаций Си Цзиньпина, обретает черты справедливого исхода, «исправляющего» отклонения от нормы, возникшие 150—170 лет назад.

В-четвертых, по-прежнему сильна инерция представлений о Китае как развивающемся государстве, части Глобального Юга, стране третьего мира.

В-пятых, на внешнеполитическую идеологию влияют изменения постбиполярного мирового устройства: происходит ослабление лидерства «коллективного Запада» (прежде всего

¹ Зуенко И.Ю. Есть ли у Китая внешнеполитическая идеология? *Международный дискуссионный клуб «Валдай»*. 09.03.2023 г. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/est-li-u-kitaya-vneshnepoliticheskaya-ideologiya/>

США) на мировой арене, одновременно с подъемом бывших колониальных и полуколониальных держав, к числу которых причисляет себя Китай. На этом фоне многие ожидают от Китая, что он займет место «второго центра» в рамках новой биполярности, однако на уровне официальных заявлений Китай это намерение отрицает и, более того, всячески подчеркивает свою принадлежность к Глобальному Югу. Впрочем, в рамках этого условного сообщества Китай видит себя не рядовым игроком, а одним из лидеров — ответственной великой державой (负责任大国) [Портяков, 2013].

Таким образом, поскольку в основе международной идентичности Китая присутствуют неоднозначно трактуемые «конкурирующие представления о себе» [Лексютина, 2024], это проявляется и в амбивалентности его внешнеполитической идеологии. Этим список факторов, влияющих на представления о целях, задачах и способах реализации внешней политики не ограничивается. Необходимо назвать еще как минимум два фактора:

- наличие ряда нерешенных проблем с соседями (территориальных, а также связанных с исторической памятью), из-за чего по ряду вопросов Китай вынужден занимать довольно жесткую позицию на международной арене;

- находящаяся в противоречии с предыдущим фактором инерция концепции внешнеполитической пассивности, характерной для 1980-х — 2000-х гг., то есть периода осуществления политики реформ и открытости.

Поскольку для периода правления Си Цзиньпина оказалась характерна определенная ревизия достижений предыдущего периода (не только во внешнеполитической сфере), но полностью они не отрицаются и продолжают оказывать влияние, следует более подробно остановиться на совокупности таких представлений. Это позволит более отчетливо

ощутить тенденции, наметившиеся при Си Цзиньпине и сводимые, по большому счету, к большей *активности, громкости и наступательности* внешней политики.

До 2012 г. негласной концептуальной основой внешней политики был так называемый внешний курс из 28 иероглифов (二十八字对外工作方针), приписываемый Дэн Сяопину и сформировавшийся в начале 1990-х гг. [Портяков, 2015]. В соответствии с ним, в деятельности на международной арене Китаю предписывалось *«хладнокровно наблюдать, укреплять расширенные позиции, проявляя выдержку, справляться с трудностями, держаться в тени, стараться ничем не проявлять себя, быть в состоянии защищать пусть неуклюжие, но свои собственные взгляды, ни в коем случае не лезть вперед, на первое место, и при этом делать что-то реальное»*¹.

Отметим, что ориентация части российских публицистов на англоязычные статьи привела к тому, что фраза «держаться в тени, не проявлять себя», переводимая на английский язык как *keeping low profile*, сплошь и рядом стала переводиться как «скрывать свои возможности», что на уровне оттенков значения подразумевает, что субъект, осознавая свои большие возможности, намеренно скрывает их от наблюдателя с целью сбить его с толку.

Представляется, что до Си Цзиньпина большая часть военно-политической элиты Китая не намеренно скрывала свои силы, а скорее придерживалась довольно скромных взглядов на собственные ресурсы (подобные настроения сильны и сейчас). Считалось, что на том этапе Китай был еще бедной развиваю-

¹ Полная формулировка внешнеполитических заветов Дэн Сяопина из 28 иероглифов, как правило, дается в версии, приведенной в опубликованном в КНР в 2002 г. сборнике высказываний Цзян Цзэминя. Наиболее близкий к китайскому оригиналу русскоязычный вариант этой формулы содержится в переводе данного сборника на русский язык под редакцией Ю.М. Галеновича [Цзян, 2004, с. 473]

шейся страной третьего мира, которой потребуются десятилетия, чтобы сравняться по силе с мировыми лидерами. И хотя с 1990—2000-х гг. признавалось, что внешняя обстановка благоволит бурному развитию Китая, на международной арене по-прежнему рекомендовалось «не лезть на первое место».

Передавая в 2002—2003 гг. своему преемнику Ху Цзиньтао руководящие полномочия в партии и государстве, Цзян Цзэминь выдвинул концепцию периода важных стратегических возможностей (重要战略机遇期), которая развивала идеи Дэн Сяопина и подразумевала, что позицию пассивности во внешней политике в сочетании с экономическим развитием следует сохранить, как минимум, до начала 2020-х гг.¹ [Адамова, Денисов, 2022].

Ху Цзиньтао, в свою очередь, сделал собственный вклад в формирование концептов для внешней политики Китая. При нем уверенность в выгодном для страны периоде стратегических возможностей была воплощена в широко пропагандируемой за рубежом концепции мирного подъема (和平崛起). Позднее, чтобы снять потенциальные опасения по поводу возможной угрозы этого «подъема» мировому порядку, она была достаточно быстро переименована в концепцию мирного развития (和平发展). В докладе на XVII съезде КПК (2007 г.) Ху Цзиньтао, давая общую оценку обстановки, подчеркнул, что возможности беспрецедентны, как и вызовы — но возможности перевешивают вызовы [Адамова, Денисов, с. 844]. Уже покидая пост генсека на

¹ 31 мая 2002 г. Цзян Цзэминь отметил, что «если рассматривать ситуацию в целом, то первые одно-два десятилетия XXI века являются для нашей страны важным периодом стратегических возможностей, за который необходимо крепко ухватиться и в течение которого есть большие возможности проявить себя». Употребляемая в данной речи формулировка из четырех иероглифов 大有作为 («большие возможности проявить себя») является явной отсылкой к последнему элементу формулы из 28 иероглифов (有所作为 — «проявлять себя», «делать что-то реальное»).

XVIII съезде (2012 г.), Ху Цзиньтао в своем итоговом докладе зафиксировал, что партия смогла воспользоваться важным периодом стратегических возможностей для развития Китая и успешно преодолела ряд серьезных вызовов, стоявших перед страной [Там же].

Вряд ли такая формулировка предполагала завершение периода «стратегических возможностей» и отход от установок периода правления Дэн Сяопина — Цзян Цзэминя — Ху Цзиньтао, однако ревизия концептуальных основ (зачастую при сохранении их риторического оформления) началась уже в первые месяцы нахождения у власти Си Цзиньпина. Прежде всего, она была вызвана переоценкой представлений о себе (Китае) и внешней среде.

Если раньше считалось, что Китай может продолжать наращивать свой потенциал и увеличивать международную мощь, не сталкиваясь с прямыми вызовами со стороны других держав, то после прихода к власти Си Цзиньпина «стратегическая возможность» стала пониматься как нечто, требующее приложения особых усилий. Таким образом, позиция Пекина стала более активной и наступательной. Что еще важнее, представления о действиях Китая в рамках «периода стратегических возможностей» теперь увязывались с магистральной идеей всех политических конструкций эпохи Си Цзиньпина — идеей «китайской мечты о великом возрождении китайской нации», явно предполагающей «выход из тени» (здесь снова отсылка к курсу из 28 иероглифов).

Отметим, что начиная с конца 2010-х гг., во внешнеполитической риторике появился термин «период исторических возможностей» (历史机遇期), что отражало рефлексию китайской элиты на тему, завершился или нет «период стратегических возможностей». Определенным сигналом, свидетельствующим об этом, можно считать выступление Си

Цзиньпина 5 января 2018 г. в Партийной школе при ЦК КПК перед группой высокопоставленных партийных и государственных чиновников. В этой речи Си Цзиньпин как раз употребил термин «период исторических возможностей» и много говорил о том, что прогресс Китая напоминает движение по тонкому льду: что необходимо быть осторожным, видеть риски и вызовы, не совершать стратегических и подрывных ошибок¹. Из контекста речи понятно, что «период исторических возможностей» совпадает с процессом великого возрождения китайской нации.

Со временем оценки степени неблагоприятности внешней обстановки для развития Китая стали еще радикальнее. На XX съезде КПК (2022 г.) Си Цзиньпин заявил: «Китай вступил в период развития, когда одновременно существуют стратегические шансы, риски и вызовы, возрастают неопределенные и труднопредсказуемые факторы, в любое время могут произойти такие события, как «черный лебедь» и «серый носорог». Мы обязательно должны повышать бдительность против всевозможных бед, всегда быть готовыми к худшему сценарию, думать о потенциальных опасностях в условиях спокойной жизни и заблаговременно принимать меры предосторожности, быть готовыми выдержать суровые испытания, будь то чрезвычайно серьезные или даже катастрофические риски и вызовы»².

Таким образом, констатируя поворот в восприятии внешней среды — от благоприятной для развития к неблагопри-

¹ Опубликована «Хрестоматия важных мыслей генерального секретаря КПК Си Цзиньпина об усилении и улучшении работы с национальностями» [习近平总书记关于加强和改进民族工作的重要思想学习读本出版发行]. *Госсовет КНР*. 13.02.2025 г. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202502/content_7003566.htm

² Си Цзиньпин. Полный текст доклада XX Всекитайскому съезду КПК. *Посольство КНР в Российской Федерации*. 25.10.2022 г. URL: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zgxw/202210/t20221026_10792071.htm

ятной, требующей соответствующего ответа, — мы должны резюмировать, что активизация китайской внешней политики лишь отчасти является внутренней инициативой, связанной с личностью Си Цзиньпина или общественным запросом. В значительной части это реакция на те вызовы, с которыми столкнулся Китай, когда его начали воспринимать как стратегического конкурента и претендента на мировое господство [Зуенко, 2024б].

Период, когда такое восприятие Китая в мире начало доминировать (2000-е — 2010-е гг.), совпал по времени с объективными успехами Китая в экономике, научно-техническом развитии, ростом его узнаваемости. Естественным следствием этого стал подъем национально-патриотических настроений (в значительной степени сопровождающихся разочарованием в Западе), которыми новое руководство КНР воспользовалось в том числе для консолидации общества и повышения легитимности своей власти. Уже в первые годы правления Си Цзиньпина значительное развитие в обществе получили идея национальной исключительности и тесно с ней связанная идея национального реваншизма.

И то и другое требовало не только более активной внешней политики, но ее идеологического обновления, а также более активного продвижения собственного внешнеполитического дискурса [Денисов, Зуенко, 2022]. Стремящийся к возрождению национального величия Китай уже не мог, как другие страны, просто следовать правилам, установленным мировым гегемоном — он со своим «пятитысячелетним историческим опытом цивилизации»¹ должен был предложить новые правила как альтернативу для всего мира.

¹ В данном случае это отсылка к речи Си Цзиньпина, произнесенной в ходе встречи с китайскими и иностранными журналистами 15 октября 2012 года (URL: <http://www.12371.cn/special/xjpyzyls/zgmls/1/>). Большинство историков оценивают ре-

Появившиеся в период с 2012 г. инновации в этой сфере напрямую связаны с именем нового лидера Китая. В 2017 г. внешнеполитические идеи Си Цзиньпина как часть идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху были официально признаны частью идеологии КПК. Популяризация внешнеполитических идей Си Цзиньпина усилилась после публикации Отделом пропаганды ЦК КПК и МИД КНР в 2021 году «Учебного курса внешнеполитических идей Си Цзиньпина» (习近平外交思想学习纲要).

В статье для теоретического журнала ЦК КПК «Цюши» глава внешнеполитического блока в партии и государстве Ван И указал, что идеи Си Цзиньпина сочетают достижения марксизма и традиционной китайской культуры: благодаря опоре на марксизм они «ответили на вопросы о том, строительство какого мира и каких международных отношений должен продвигать Китай, какой должна быть китайская дипломатия в новой ситуации. На основе марксистского учения о производительных силах и производственных отношениях, о базисе и надстройке, удалось проанализировать проблемы экономической глобализации и развития мировой экономики, сформулировать китайский взгляд на глобальное управление, охрану окружающей среды, вопросы развития. Теоретическая и практическая инновация помогла «углубить понимание закономерностей международных отношений и китайской дипломатии, обогатить и развить марксистскую теорию международных отношений, раскрыть новую систему и новые горизонты дипломатической теории нового Китая». При этом использование ресурсов традиционной китайской культуры позволило Си Цзиньпину выдвинуть новые подходы к

альный срок существования китайской цивилизации более скромными цифрами: от трех с половиной до четырех тысяч лет.

безопасности, цивилизации, экологии, правам человека, пониманию соотношения справедливости и выгоды, явным образом отличающиеся от устаревшего мышления «игры с нулевой суммой» и силовой политики, отбросить и превзойти традиционную теорию международных отношений, придать новый облик и содержание китайской теории дипломатии [Ломанов, 2022, с. 35].

Концепция «Сообщества единой судьбы человечества» и связанные с ней идеологемы

В наиболее сконцентрированном виде новые подходы, связанные с апелляцией к традиционному китайскому мировоззрению, ставящему во главу угла ценности гармоничного сосуществования (和谐), взаимного блага (互利) и рациональности (合理) [Адамова, Денисов, 2022], воплотились в зонтичной внешнеполитической концепции — идее «сообщества единой судьбы человечества»¹ (人类命运共同体). Наравне с концепцией «китайской мечты» (中国梦), она стала второй из двух несущих конструкций политической линии Си Цзиньпина.

Детальный анализ китайского понимания концепции сообщества единой судьбы человечества и других внешнеполитических идей лидера КНР с позиции китайских ученых-обществоведов дан выше в разделе В.Е. Петровского. Здесь же хотелось бы дать краткий критический анализ данной теории и входящих в ее состав идеологем.

¹ Исходя из оригинального китайского термина, более корректным представляется вариант перевода «сообщества единства судеб человечества», однако используемый в тексте вариант можно считать уже общераспространенным. Именно в такой форме он содержится в китайских переводных документах: как на русском, так и на английском (community with a shared future for mankind) языках.

Суть зонтичной концепции сообщества единой судьбы человечества заключается в том, что мир вступил на новый этап своего развития, в котором прежние модели межгосударственных отношений, основанные на применении насилия, формировании военно-политических блоков, уже не работают. Напротив, «этот <новый> мир, в котором все страны находятся на небывалом ранее уровне взаимной связанности и взаимозависимости, а человечество живет в «глобальной деревне», чем дальше, тем больше превращается в *сообщество единой судьбы*, где в тебе есть частичка меня, а во мне есть частичка тебя»¹.

Иначе говоря, в новых исторических условиях, когда повышается значение стран Глобального Юга, бывших колоний и полукolonий, всему миру выгоднее торговать и осуществлять технологический и культурный обмен, чем воевать. Возрождающемуся Китаю в этих условиях, по мысли китайских идеологов, уготована судьба одного из мировых лидеров, то есть страны, экономическое и культурное взаимодействие с которой особенно выгодно для других стран.

Нельзя сказать, что концепция уже существует в сформированном виде, хотя в 2017—2018 гг. упоминание о ней было закреплено в Уставе КПК и Конституции КНР. Напротив, эта идея все время дополняется и расширяется. Промежуточные результаты можно проследить, проанализировав содержание Белой книги «Совместное строительство сооб-

¹ Полный текст выступления Председателя КНР Си Цзиньпина в МГИМО [国家主席习近平在莫斯科国际关系学院的演讲(全文)]. *Госсовет КНР*. 24.03.2013 г. URL: https://www.gov.cn/ldhd/2013-03/24/content_2360829.htm. Примечательно, что отдельные элементы этой речи уже использовались в программных документах руководства КПК в 2011-2012 гг., однако в настоящий момент китайская пропаганда отсчитывает появление концепции именно от речи в МГИМО. Другие версии истории создания концепции изложены в [Ларин, 2023].

щества единой судьбы человечества: инициативы и действия Китая» (2023 г.)¹.

В документе подчеркивается, что текущий исторический этап для человечества является ключевым, поскольку наравне с возможностями обострились и вызовы (войны, пандемии, политическая нестабильность). Постулируется опасность усиления гонки вооружений и начала новой мировой войны с использованием, в том числе, оружия массового поражения. Впервые за многие десятилетия снижается уровень жизни людей и индекс развития человеческого потенциала. Глобальная экономика по-прежнему буксует после удара, нанесенного пандемией. На этом фоне у отдельных стран появляются соблазны использовать протекционистские меры, обособляться от глобальных цепочек добавленной стоимости, «строить маленькие дворы с высокими стенами». Всему этому сопутствует подъем нетрадиционных угроз, связанных с преступлениями в киберпространстве, в экологической сфере и т.д.

Вместе с тем невиданная ранее межгосударственная связанность, объективно возникающая вслед за бурным развитием глобальной экономики XX века, позволяет рассчитывать на координацию совместных усилий всех стран мира для решения обозначенных проблем.

Однако для этого необходимо изменить сознание, выйти из рамок, навязанных менталитетом «холодной войны», блоковым мышлением, представлением о праве сильного и насилии как основном инструменте мировой политики. Авторами документа утверждается, что выдающаяся традиционная культура Китая, равно как и накопленный опыт нацио-

¹ Совместное строительство сообщества единой судьбы человечества: инициативы и действия Китая [携手构建人类命运共同体: 中国的倡议与行动]. 26.09.2023 г. *Госсовет КНР*. URL: https://www.gov.cn/zhengce/202309/content_6906335.htm

нальной модернизации, показывают: мирное сосуществование и соразвитие всех стран мира не только возможно, но и взаимовыгодно.

Любопытно, что, говоря о «китайской модели», авторы документа не связывают ее с руководящей ролью КПК, а обозначают как стремление учитывать в модернизации местные условия — не перенимать слепо зарубежные достижения, которые хорошо работают в одних обстоятельствах, но приводят к издержкам в других. Тем самым подчеркивается универсальность китайских подходов как к развитию отдельно взятой страны, так и к общемировому развитию в целом, поскольку в их основе лежит отказ от навязывания кому-либо единственно верных рецептов. Подчеркивается, что ни одна страна в мире не вправе монополизировать общечеловеческие ценности, включая стремление к свободе, справедливости и демократии. Указывается, что оптимальным мировым порядком должен являться подлинный мультилатерализм, отрицающий не только однополярность, но и «полярность» вообще¹.

Столь философски сформулированный документ сложно воспринимать как внешнеполитическую доктрину. В еще меньшей степени он является «дорожной картой» для межгосударственного взаимодействия. Будучи по своему характеру зонтичной концепцией, идея построения сообщества единой судьбы человечества включает в себя ряд более узко сформулированных концепций. Всем им также характерна определенная метафоричность, размытость формулировок и под-

¹ В китайских текстах, как правило, используется термин *добяньчжэу* (多边主义), дословно означающий «многосторонность», «мультилатерализм». В то время как термины с иероглифом «полюс» употребляются реже и в основном в форме *доцзихуа* (多极化), что означает «многополяризацию» — процесс, ведущий к складыванию нескольких полюсов.

черкнутый идеализм, что затрудняет их восприятие за рубежом.

В этом контексте широко известную инициативу «Один пояс, один путь» (ОПОП)¹ также следует считать составной частью сообщества единой судьбы человечества, ее практическим инструментом. В рамках данной работы нецелесообразно разбирать содержание и перспективы реализации данной инициативы, поскольку этот вопрос уже подробно освещен в научной литературе [Новый шелковый путь..., 2016; Денисов, 2016; Зуенко, 2018; Лукин, 2020]. Однако необходимо уточнить: вопреки обывательским стереотипам, содержание ОПОП не связано исключительно с развитием транспортной инфраструктуры [Чубаров, 2018]. Более того, инициатива не имеет каких-либо географических и отраслевых рамок. Она имеет универсальный характер и, что особенно важно, выходит за пределы чисто экономического понимания, затрагивая сферу идеалов и ценностей.

Здесь можно привести оценку вице-президента Китайской академии общественных наук Ван Лингуя: «Успешная практика ОПОП воплотит мировоззрение (букв. — «взгляд на Поднебесную» 天下观)² китайской нации и ее идею мира

¹ Две составляющие инициативы: сухопутная — «Экономический пояс Шелкового пути» (выдвинута в Астане в сентябре 2013 г.), и морская — «Морской шелковый путь XXI века» (выдвинута в Джакарте в октябре 2013 г.) До 2016 года был принят официальный перевод названия инициативы на иностранные языки «Один пояс, один путь» (One Belt, One Road). С 2016 года китайской стороной рекомендуется использовать более краткий термин — «Пояс и Путь» (Belt and Road Initiative, BRI).

² Китайский термин Тянься 天下 (буквально «Все под Небом», иногда также используется вариант перевода «Поднебесная») в классических текстах обозначает весь человеческий универсум, находящийся в неразрывной связи с Небом, то есть абстрактным божественным началом. В современных текстах он также является не обозначением конкретной страны (Китай), а китайским эквивалентом античного слова «Ойкумена». Распространившаяся в России публицистическая манера использовать термин «Поднебесная» как синоним слову Китай с китаеведной точки зрения ошибочна, так как данное понятие гораздо шире рамок той или иной страны.

Великой гармонии в грандиозной практике строительства «сообщества судьбы человечества». В перспективе развитие Китая будет соединяться с развитием стран «Пояса и пути» и других государств мира, «китайская мечта» о великом национальном возрождении будет сочетаться с мечтами жителей других стран» [Ломанов, 2022, с. 35].

Как уже упоминалось в предыдущем разделе, другим воплощением положений концепции «сообщества единой судьбы человечества» стали три «больших» глобальных инициативы Си Цзиньпина, которые были выдвинуты в 2021—2023 гг. уже на фоне стремительно осложнившейся международной обстановки применительно к трем аспектам: развитию, безопасности и сосуществованию различных цивилизаций¹.

В сентябре 2021 г. на 76-й сессии ГА ООН Си Цзиньпин призвал мировое сообщество к «совместной работе, чтобы управлять глобальным развитием», и предложил для этого Инициативу глобального развития (全球发展倡议). Инициатива содержит 6 принципов: рассматривать само развитие в качестве главного приоритета; ставить в центр этого развития интересы, благополучие и безопасность всех людей на земле; опираться на инновации, создавая открытую, справедливую, равноправную и недискриминационную среду для развития науки и технологий; стремиться к гармонии между человеком и природой; ориентироваться на конкретные ре-

¹ Китайский оригинальный термин *цюаньцзю чаньги* (全球倡议) не дает нам однозначного понимания того, являются ли эти инициативы *глобальными* по своему характеру, либо это инициативы касаются *глобальных аспектов* чего-либо (развитие, безопасность и т.д.) В связи с этим в русскоязычной литературе может, например, использоваться как термин «глобальная инициатива безопасности», так и «инициатива глобальной безопасности», как «инициатива глобальной цивилизации», так и «глобальная инициатива цивилизаций» (а также «глобальная цивилизационная инициатива»). В данном тексте используются термины, соответствующие официальным переводам китайских документов информагенствами «Синьхуа» и «Жэньминь жибао».

зультаты, прежде всего в таких областях, как борьба с бедностью, продовольственная безопасность, борьба с COVID-19, финансирование развития, изменение климата и зеленое развитие, индустриализация, цифровая экономика и взаимосвязанность¹. Примечательно, что эти предложения были представлены не в качестве абстрактной идеи, а как конкретные шаги для достижения сформулированной ООН «Повестки для устойчивого развития», рассчитанной до 2030 г. Само появление этой концепции следует оценивать и как признак обеспокоенности КНР «дефицитом развития», о котором также много говорится в Белой книге «Сообщество единой судьбы человечества», и как еще один инструмент продвижения внешнеполитических идей Си Цзиньпина внутри страны и за рубежом².

Инициатива глобальной безопасности (全球安全倡议), выдвинутая на Азиатском форуме в Боао в апреле 2022 г., стала ответом КНР на стремительно осложнившуюся в начале 2022 г. международную обстановку в Восточной Европе и на Ближнем Востоке. Появление этой инициативы явилось также, с одной стороны, ответом на претензии со стороны Запада по поводу нейтралитета в отношении России на фоне эскалации украинского кризиса; с другой стороны, подтверждением амбиций Китая на роль медиатора в международных кризисах³. Принципы Инициативы глобальной безопас-

¹ Полный текст речи Си Цзиньпина на общей дискуссии 76-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН [习近平在第七十六届联合国大会一般性辩论上的讲话 (全文)]. *Госсовет КНР*. 22.09.2021 г. URL: <https://www.gov.cn/xinwen/2021-09/22/content5638597.htm>

² См. также: Губин А.В. В чем сила? Китай в глобальном управлении. *Российский совет по международным делам*. 25.04.2023 г. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/v-chem-sila-kitay-v-globalnom-upravlenii/>

³ См. также: Кортунов А.В. Инициатива в области глобальной безопасности: Пекин принимает новую роль. *Российский совет по международным делам*. 03.10.2023 г.

ности легли в основу представленной Китаем в феврале 2023 года «Позиции по политическому урегулированию украинского кризиса». Затем Китай инициировал создание открытой международной группы «Друзей мира», призывающей к урегулированию конфликта с учетом интересов всех задействованных сторон, не исключая Россию.

Основной смысл Глобальной инициативы цивилизаций (全球文明倡议), выдвинутой в 2023 г., заключается в необходимости уважения разнообразия мировых цивилизаций и их равенства. Терпимость и уважение друг к другу являются единственным условием нахождения взаимопонимания между нациями. В практическом плане инициатива предлагает укреплять международные культурно-гуманитарные обмены. Важно также сделать упор на продвижении таких общих общечеловеческих ценностей как развитие, безопасность, мир, свобода, демократия, модернизация, не объявляя какую-то из них своим монопольным достоянием¹.

Некоторые сложности с переводом понятий на китайском языке, для которого характерно отсутствие форм множественного числа, не позволяет точно установить, имел ли Си Цзиньпин в виду общечеловеческую цивилизацию или человечество как совокупность нескольких конкретных государств-цивилизаций, или «цивилизационных государств» (文明型国家) [Чжан, 2023]. Однако очевидно, что данная инициатива развивает более ранние идеи о недопустимости деления мира на лагеря, блоки, проведения выдуманных границ между «демократиями» и «автократиями» только на ос-

URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/initsiativa-v-oblasti-globalnoy-bezopasnosti-pekin-prinimaet-novuyu-rol/>

¹ См. также: Кортунов А.В. Глобальная инициатива цивилизаций: международная стратегия Пекина обретает завершенность. *Российский совет по международным делам*. 18.03.2024 г. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/globalnaya-initsiativa-tsivilizatsiy-mezhdunarodnaya-strategiya-pekina-obretayet-zavershennost/>

новании того, что в последних стремятся идти по собственному, а не скопированному у Запада пути — то есть также отвечает на вызовы времени, обострившиеся к середине 2020-х гг.

Китайская внешнеполитическая идеология в вопросах мироустройства

Сложно не заметить, что новые китайские внешнеполитические идеологемы обращены ко всему миру. Это дает основания увидеть в них амбиции на роль нового мирового гегемона. Означает ли это, что Китай стремится к такому господству?

Исходя из анализа китайских внешнеполитических документов, мы не можем подтвердить это предположение. Доктринальные документы Пекина провозглашают верность существующим международным институтам (например, ООН), а реформирование нынешнего миропорядка видится ему не в смене США в качестве мирового гегемона, а в восстановлении подлинных отношений равенства стран и многополярности. В упомянутом выше докладе Си Цзиньпина на XX съезде КПК (2022 г.) говорится:

«Китай будет принимать активное участие в реформировании и развитии системы глобального управления, претворять в жизнь концепцию глобального управления, основанную на принципах совместных консультаций, совместного строительства и совместного пользования, твердо придерживаться подлинного мультилатерализма, способствовать демократизации международных отношений, содействовать развитию глобального управления в более справедливом и рациональном направлении. Китай будет решительно защищать систему международных отношений, ядром которой является ООН, охранять миропорядок, в основе которого ле-

жит международное право, отстаивать основные нормы международных отношений, базирующиеся на целях и принципах Устава ООН. <...> Китай будет способствовать выявлению еще более эффективной роли ВТО, АТЭС и других многосторонних механизмов, расширять влияние БРИКС, ШОС и других механизмов сотрудничества, увеличивать представительность и право голоса стран с формирующимся рынком и развивающихся стран в международных делах».

Как уже отмечалось выше, принципиальной позицией Китая является отказ от блокового мышления даже в контексте возможного деления мира на «китайский» и «американский» лагеря: «Китай выступает против любых форм односторонности, противостоит созданию блоков или закрытых группировок против определенных стран».

Соответственно, Китаем отвергается и сама идея того, что он борется за мировую гегемонию: «Китай уважает суверенитет и территориальную целостность всех стран, твердо стоит на позиции равноправия всех стран, как больших, сильных и богатых, так и малых, слабых и бедных, уважает право народов всех стран самостоятельно выбирать собственный путь развития и социальный строй, категорически выступает против любых форм гегемонизма и политики силы, против менталитета «холодной войны», вмешательства во внутренние дела других стран и применения двойных стандартов».

Мы видим, что Китай официально провозглашает заинтересованность в сломе американской гегемонии, но не с целью занять место США в качестве мирового гегемона (подробнее на эту тему в работе [Зуенко, 2024а]). Однако не станет ли доминирующее положение Китая как фактического гегемона неизбежным по мере эрозии проамериканского «порядка, основанного на правилах»?

Действительно, в новых исторических условиях, когда повышается значение стран Глобального Юга, всему миру может быть выгоднее торговать и осуществлять технологический и культурный обмен, нежели воевать. По мнению китайских идеологов, возрождающемуся Китаю в этих условиях уготована судьба одного из мировых лидеров. В данном случае — страны, экономическое и культурное взаимодействие с которой отвечает всеобщим интересам:

«Китай готов увеличивать ресурсные вложения во имя глобального развития и сотрудничества, неустанно стремиться к сокращению разрыва между Югом и Севером, неизменно оказывать поддержку и помощь многочисленным развивающимся странам в ускорении их развития. <...> Китай будет продолжать принимать активное участие в разработке правил в области глобальной безопасности, усиливать международное сотрудничество в сфере безопасности, активно участвовать в миротворческой деятельности ООН, стремясь играть конструктивную роль в защите мира во всем мире и обеспечении региональной стабильности».

Однако международные отношения нового типа (新型国际关系), о которых так много говорят китайцы, предполагают сотрудничество без установления обязательств военно-политического характера. А возвышение великих держав (大国) или ответственных держав (负责任大国), к которым причисляет себя Китай, вовсе не означает создания новых военно-политических блоков, поскольку это считается пережитком менталитета «холодной войны».

Иными словами, не отрицая своих амбиций на роль великой и ответственной державы, китайская сторона официально отвергает наличие претензий на то, чтобы быть одной из двух главных сторон биполярного противостояния, ограни-

чиваясь лишь ролью «промоутера» перехода к многополярному миру¹.

Со своей стороны, китайцы действительно не создают военно-политических блоков — единственной международной организацией, в которой они участвуют и в деятельности которой явно выражена координация усилий в сфере безопасности, является ШОС. А, например, инициатива «Пояса и Пути» за более чем десять лет своего существования не только не обрела формы военно-политического блока, но и даже международным объединением в полном смысле этого слова не является.

Подробнее этот момент можно рассмотреть на примере потенциального российско-китайского военного альянса. Действительно, Россия и Китай в рамках вынужденного реагирования на стратегию «двойного сдерживания» со стороны США являются естественными союзниками. Однако вследствие твердой официальной позиции и Москвы, и Пекина это не ведет к созданию военно-политической организации между ними ни в формате двухсторонних отношений, ни в формате, например, треугольника Москва—Пекин—Пхеньян, о котором, начиная с 2023 г., заговорили эксперты как в России², так и на Западе и среди азиатских партнеров НАТО^{3 4}, но не в Китае.

¹ Мир многополяризации движется к нам все быстрее [多极化世界加速向我们走来]. *Жэньминь жибао*. 25.12.2021 г. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2021/1225/c1002-32316701.html>

² Кортунов А.В. Призраки новых «осей» бродят по Северо-Восточной Азии. *Российский совет по международным делам*. 27.09.2023 г. URL: <https://russiacouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/prizraki-novykh-osey-brodyat-po-severo-vostochnoy-azii/>

³ Bernal G. North Korea turns to Russia, China as Asia enters 'Cold War 2.0'. *Nikkei*. 30.07.2023. URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/N-Korea-at-crossroads/North-Korea-turns-to-Russia-China-as-Asia-enters-Cold-War-2.0>

⁴ Lee Sangsoo. North Korea Is Joining China and Russia in Confronting the US. *Institute for Development and Security Policy*. March 2022. URL: <https://isdps.se/publication/north-korea-is-joining-china-and-russia-in-confronting-the-us/>

Позиция Китая четко указана в тексте Совместного заявления РФ и КНР о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии от 4 февраля 2022 г.: «Стороны выступают против дальнейшего расширения НАТО, призывают Североатлантический альянс отказаться от идеологизированных подходов времен «холодной войны», уважать суверенитет, безопасность и интересы других стран, многообразие их цивилизационных и культурно-исторических укладов, объективно и справедливо относиться к мирному развитию других государств. Стороны выступают против формирования в Азиатско-Тихоокеанском регионе закрытых блоковых структур и противоборствующих лагерей, сохраняют высокую бдительность относительно негативного влияния на мир и стабильность в этом регионе индотихоокеанской стратегии США»¹.

Следует отметить, что позиция Китая действительно, как это принято подчеркивать в заявлениях МИД КНР, «последовательна и неизменна» — даже несмотря на то, что с 2018 г. отношения с США резко ухудшились и к настоящему моменту достигли состояния системного противостояния. Если до начала китайско-американского разрыва нежелание Пекина обозначать свои амбиции в качестве кандидата на роль нового мирового лидера и начать формировать вокруг себя военно-политические блоки можно было связывать со стремлением сохранить взаимовыгодные отношения с США, то сейчас ситуация, казалось бы, подталкивает китайское руководство к более решительным шагам. Однако этого по-прежнему не происходит: у КНР до сих пор существуют обя-

¹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии. *Сайт Президента России*. 04.02.2022 г. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5770>

зательства военного характера лишь перед одной страной — КНДР, а военное присутствие за пределами страны на данный момент ограничивается единственной базой в Джибути, что несравнимо с теми силами и средствами, которыми располагает Вашингтон. Даже сотрудничество с Россией, как мы видим, далеко от заключения формального военного союза, что не препятствует, а напротив, способствует улучшению двухсторонних отношений.

Как представляется, корни этой позиции нужно рассматривать не в контексте конкретной международной ситуации, а глубже, в привязке к тому, что Китай продвигает абсолютно новую *философию* международных отношений, предполагающую отказ от опоры исключительно на силу и использование в качестве источника своего международного признания моральный авторитет. Публичный отказ от стремления к единоличному лидерству и формирования военно-политических блоков является важным элементом этой философии. Причем тот уровень осложнения внешней среды для развития Китая, который признается в китайских документах, уже вызвал корректировку внешнеполитического курса Пекина в 2010—2020-х гг., но пока не привел к пересмотру прежней внешнеполитической стратегии.

Данная точка зрения закреплена в партийно-государственных документах и, видимо, отвечает личной позиции самого Си Цзиньпина. При этом мы должны признать, что внешнеполитический концепт «новой эпохи» (新时代, синоним периода правления Си Цзиньпина) еще окончательно не оформился, как не завершилась и сама эпоха — на дальнейшее его оформление все большее влияние будет оказывать стремительно усложняющаяся международная обстановка, характеризующаяся возрастанием американского давления на Китай и разбалансировкой экономической системы.

Библиографический список

1. Адамова Д.Л., Денисов И.Е. Период стратегических возможностей: опыт китайского форсайта и перспективы внешней политики Пекина // Ориенталистика. 2022, № 4. С. 839—856. DOI: 10.31696/2618-7043-2022-5-4-839-856, EDN: ТУУВУУ.
2. Денисов И.Е., Зуенко И.Ю. От мягкой силы к дискурсивной силе: новые идеологемы внешней политики КНР. М.: МГИМО МИД России, 2022. 24 с. EDN: FOPVCB.
3. Денисов И.Е. Поднебесная смотрит на Запад // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2016, № 6 (9). С. 20—38. DOI: 10.23932/2542-0240-2016-9-6-20-40, EDN: УОУКJN.
4. Зуенко И.Ю. Китайские оценки американских концептов «новой bipolarности» и «новой холодной войны» // США и Канада: экономика, политика, культура. 2024, № 7 (655). С. 40—56. DOI: 10.31857/S2686673024070042, EDN: YCVPKC.
5. Зуенко И.Ю. Один «Пояс», два пути: восприятие китайских интеграционных инициатив в России и Казахстане (2014—2017) // Россия и АТР. 2018, № 1 (99). С. 118—132. EDN: YWJFAO.
6. Зуенко И.Ю. Применима ли в России китайская модель внешней политики? // Россия в глобальной политике. 2024, № 3. С. 146—159. DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-3-146-159, EDN: DXPNY.
7. Зуенко И.Ю. Проблемы восприятия внешней политики КНР как фактор китайско-американского противостояния // США и Канада: экономика, политика, культура. 2023, № 7. С. 117—126. DOI: 10.31857/S2686673023070106, EDN: GMHUUS.
8. Ларин В.Л. Китайская повестка мировой политики XXI века // Российское китаеведение. 2023, № 1 (2). С. 14—34. DOI: 10.48647/ICCA.2023.97.55.001, EDN: CENAUА.
9. Лексютина Я.В. О двойной международной идентичности современного Китая // Международная аналитика. 2024, № 1. С. 63—76. DOI: 10.46272/2587-8476-2024-15-1-63-76, EDN: HSKCFL.

10. Ломанов А.В. Внешнеполитическая идеология Китая в преддверии XX съезда КПК // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2022, № 27. С. 25—41. DOI: 10.48647/IFES.2022.78.33.030, EDN: JNKQNT.

11. Лукин А.В. Россия и Китай в Большой Евразии // Полис. Политические исследования. 2020, № 5. С. 46—59. DOI: 10.17976/jpps/2020.05.04, EDN: ODOOAV.

12. Новый Шелковый путь и его значение для России / отв. ред. В.Е. Петровский; науч. ред. Е.И. Сафронова, А.Г. Ларин, сост. А.Г. Ларин. М.: Дели плюс, 2016. 234 с.

13. Портяков В.Я. Внешняя политика Китайской Народной республики в XXI столетии. М.: ИДВ РАН, 2015. 280 с. EDN: XRQMEH, ISBN 978-5-8381-0297-3.

14. Портяков В.Я. Становление Китая как ответственной глобальной державы. М.: ИДВ РАН, 2013. 238 с. EDN: XHZECN, ISBN 978-5-8381-0230-0.

15. Цзян Цзэминь. О социализме с китайской спецификой. Т. 2—3. М.: Наука, 2004. 811 с. Памятники исторической мысли.

16. Чжан Вэйвэй. Китай, нарратив цивилизационного государства и его значение // Российское китаеведение. 2023, № 2 (3). С. 7—15. EDN: AMYTZI.

17. Чубаров И. Г. Пять составляющих внешнеэкономического курса Китая «Один пояс, один путь» // Международная аналитика. 2018, № 3. С. 45—56. DOI: 10.46272/2587-8476-2018-0-3-45-58, EDN: YQVWPJ.